

Иван Иванович Лажечников. Знакомство мое с Пушкиным

(Из моих памятных записок)

Книга: И.И.Лажечников.

"Басурман. Колдун на Сухаревой башне. Очерки-воспоминания"

Издательство "Советская Россия", Москва, 1989

OCR & SpellCheck: Zmiy (zmiy@inbox.ru), 1 ноября 2002 года

{1} - Так обозначены ссылки на примечания соответствующей страницы.

Puis, moi, j'ai servi le grand homme!

Le vieux Corporal*

* Я послужил большому человеку.

"Старый капрал" (фр.).

В августе 1819 года приехал я в Петербург и остановился в доме графа Остермана-Толстого, при котором находился адъютантом. Дом этот на Английской набережной, недалеко от Сената. В то время был он замечателен своими цельными зеркальными стеклами, которые еще считались тогда большой редкостью, и своею белою залой. В ней стояли, на одном конце, бюст императора Александра Павловича и по обеим сторонам его, мастерски изваянные из мрамора, два гренadera лейб-гвардии Павловского полка. На другом конце залы возвышалась на пьедестале фарфоровая ваза, драгоценная сколько по живописи и сюжету, на ней изображенному, столько и по высокому значению ее. Она была подарена графу его величеством, взамен знаменитого сосуда, который благодарная Богемия поднесла, за спасение ее, герою кульмской битвы, и который граф с таким смирением и благочестием передал в церковь Преображенского полка. В этом доме была тоже библиотека, о которой стоит упомянуть. В ней находились все творения о военном деле, какие могли только собрать до настоящего времени. Она составлялась по указаниям генерала Жомини{403}. Украшением дома было также высокое создание Торвальдсена{403}, изображавшее графиню Е.А.Остерман-Толстую в полулежащем положении: мрамор в одежде ее, казалось, сквозил, а в формах дышал жизнью.

Мы (я и прапорщик Сибирского гренадерского полка Д., ныне генерал-лейтенант и командир дивизии) ехали по Петербургу не главными улицами его. К тому ж в четвероместной нашей карете стояла против нас клетка с орлом, ради чего мы сочли за благо спустить шторы с окон. Въехали мы в дом со стороны Галерной, на которую выходил задний фасад его. И потому я не мог сделать заключение о городе, в котором никогда не бывал.

Только что я успел выйти из экипажа, граф прислал за мной. Он стоял на балконе, выходящем на Неву. Помню, вечер был дивный. Солнце ушло уже одною половиною своею за край земли, другою золотило и румянило рой носившихся около него пушистых облачков. "Ты не бывал еще в Петербурге - посмотри..." - сказал мне граф с какою-то радостью, указывая единственною рукою своею на Неву. Казалось, он мановением этой руки раскрыл для меня новый, прекрасный мир.

Петербург тогда был далеко не тем, что он теперь, но и тогда вид на голубоводную, широкую Неву, с ее кораблями, набережными, академией, биржей и адмиралтейством, привел меня в восторг. Я бывал в Берлине, Лейпциге, Касселе, Кенигсберге и Париже, но ни один из этих городов не сделал на меня такого впечатления. Правда, когда я в первый раз увидал Париж, я ощутил невыразимо высокое чувство; но надо прибавить, что это было в вечер 18 марта 1814 года, что я увидал город с высот Монмартра, при утихавшем громе наших орудий, при радостных криках: ура! В эти минуты я вспомнил пожар Москвы, вспомнил, как я месил снежные сугробы литовские, спотыкаясь о замерзшие трупы, при жестоких морозах, захватывавших дыхание, в походной шинели, сквозь которую ветер дул, как сквозь сетку решета. Еще живо представлялась мне великая и ужасная картина Березины, взломанной бегущей армией. Как будто дух Божий хотел показать на этом месте всю силу своего гнева - взорвал реку с основания ее и, со всем, что застал живого, оледенил ее вдруг своим дуновением. Среди обломков колес и осей, изорванной и окровавленной одежды, трупов лошадей, руки, поднятые изо льдины и как будто еще молящие о спасении или угрожающие, лики мертвецов, с оледеневшими волосами, искривленные, с